

Спорица (указание на характер течения и звучания реки), *Густатка, Иловка, Солонька* (номинация с учетом чистоты и состава воды в реке); *Кривинка, Лучайка, Змейка, Обручовка* (номинация на основе вида русла реки); *Черница, Белая* (указание на цвет воды); *Лососина, Нырка, Окуневка* (указание на вид рыбы в реке) и т.д.

Таким образом, потамонимы Витебской области являются вторым (после лимнонимов) сектором частотных именовании водных объектов, осуществляющих первичную ориентацию в реальном географическом пространстве. Прагмакомпонент отапельлятивных именовании преимущественно формируется семантическими элементами, устанавливающими связь денотата именовании (реки) и характера его русла – тип берега, оформленный тем или иным видом растительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакітны скарб Беларусі: Рэкі, азёры, вадасховішчы/ Маст.: Ю.А. Тарэеў, У.І. Цярэнцьеў/ – Мінск: БелЭн, 2007. – 480 с.
2. Пospelов, Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь / ред. Р. А. Агеева. – 2-е изд. – Москва: Русские словари, 2002. – 512 с.
3. Республика Беларусь. Витебская область: Общегеографический атлас / под ред. И.Н. Шлык. – Минск: РУП «Белкартография», 2008. – 36 с.

МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СЕМЬЯ»

Н.Л. Дружина
Витебск, ВГУ

Универсальным средством формирования периферии семантического поля «семья» являются метафорические значения. По Н.Д. Арутюновой, «метафора – (от греч. *metaphora* – перенос) – троп, или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [1, 296]. Метафоры расширяют понятийное значение слов, способствуют пониманию исследуемого явления, структурируют знания, воссоздавая единую картину мира. Значение метафоры выявляется в контексте, поскольку, как отмечает М.В. Никитин, «семантика метафоры сильно зависит от контекста и ситуации речи, лишь войдя как часть в сеть логических импликаций и пресуппозиций целого текста, вписавшись в изображаемую ситуацию и согласовавшись с ее связями и зависимостями, метафора уточняет свой смысл, теряет неопределенность и может быть однозначно проинтерпретирована» [2, 98–99]. Метафора позволяет выявить такие стороны исследуемого понятия, которые отсутствуют в определениях толковых словарей, но при этом отображают картину их реального функционирования в различных типах дискурса.

Цель данной работы заключается в выявлении особенностей функционирования антропометафор, формирующих периферийную область семантического поля «семья» (на материале немецкого языка).

Основная часть. В ходе исследования периферии семантического поля «семья» в немецком языке нами было проанализировано 498 метафор и сравнений, включающих лексику *Familie / семья* (семья – сфера-мишень метафорических переносов). Репрезентативный материал (метафорические словоупотребле-

ния в публицистических и педагогических контекстах) позволил выявить, что наиболее частотной и продуктивной является метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Человек».

Проведенный нами анализ языкового материала показал, что в рамках антропоморфных метафор семья интерпретируется как существо одушевленное, разумное, наделенное присущими человеку способностями – *überlegen* / *размышлять*, *denken* / *думать*, *verbieten* / *запрещать*, *einen Entschluss fassen* / *принимать решение*, *beleidigen* / *обижать*, *wählen* / *выбирать*, *vorziehen* / *предпочитать* и т.п. Семья представляется как человек, обладающий силой. Ср.: *Auf der Suche nach Gründen für unser «Nichts» stößt Frank Schirrmacher immer wieder auf die Kraft der ältesten menschlichen Gemeinschaft, der Familie* / *В поисках причин нашего «ничего» Франк Ширрмахер все время возвращается к силе древнейшей человеческой общности – семье* [«Die Welt», 18.03.2006]. Стремление человека моделировать семейную действительность исключительно по своему подобию выражается в наличии метафорических образов, где семья сравнивается с человеческим организмом: *das Herz der Familie* / *сердце семьи*, *das Haupt der Familie* / *глава семьи*, *vor den Augen der Familie* / *на глазах у семьи*. Ср.: *Sind beide Eltern egalitär eingestellt, dann kann es aber auch passieren, dass die Familie auf eher wackeligen Beinen steht* / *Если оба родителя эгалитарно настроены, то может также случиться, что семья окажется в шатком положении* (букв. на шатких ногах) [3]. В современном публицистическом дискурсе семья в целом, ее формы часто обозначаются как *Patient* / *пациент*, который страдает от физических и психических заболеваний: *Pest* / *чума*, *psychische Gesundheit* / *психическое здоровье*, *chronische familiale Disharmonie* / *хроническая семейная дисгармония*. Семья может выступать в качестве одушевленного объекта воздействия, ее можно: *unterhalten* / *содержать*, *unterbringen* / *размещать*, *betreuen* / *опекать*, *ernähren* / *кормить*, *führen* / *вести* и т.п. Метафорическая модель семья – человек представлена группой метафор с неоднородной семантикой. Например, резерв отрицательной экспрессивности эксплицирован в следующих словоупотреблениях: *die Familie nervt* / *семья нервирует*, *macht böse* / *злит*; *Jobkiller, Karrierekiller* / *убийца работы*. Ср.: *Die Unschuld der Familie ist längst verloren – wie die aller bürgerlichen Institutionen* / *Семья давно потеряла невинность, как и все общественные институты* [«Der Spiegel», 27.04.2006]. Положительная оценка семьи представлена посредством метафор: *gute alte Familie* / *старая добрая семья*; *ein direkter Agent der bestehenden Ordnung* / *непосредственный агент существующего порядка*; *Kraftspenderin* / *источник сил*; *Halt im Leben* / *опора в жизни*. В метафорическом переосмыслении семья-как-человек обладает амбивалентностью, присущей человеческой натуре. Ср.: *Es ist uns bewusst geworden, dass die Familie im Idealfall sehr positiv und im entgegengesetzten Fall pathogen wirken kann* / *Мы уяснили, что семья в идеале может влиять очень положительно, в противном случае – патогенно* [4]. *Sie bedeutet für uns Geborgenheit, Liebe, Wärme, Solidarität, Offenheit, Verständnis und wechselseitige Unterstützung, aber auch Konflikte, Ärger, Stress, Belastung...* / *Она [семья] означает для нас защищенность, любовь, тепло, солидарность, открытость, понимание и взаимную поддержку, но также конфликты, неприятности, стресс, обузу ...* [4].

Выводы. Таким образом, проведенный нами анализ публицистических и педагогических контекстов позволяет сделать выводы о том, что антропоморфные метафоры формируют неоднозначный образ семьи, имплицитно выражающий и позитивные, и негативные прагматические смыслы. Метафоры занимают суще-

ственное место в семантическом пространстве *семьи*, наполняя его периферию и эксплицируя тесную связь с понятийной областью «Человек».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Метафора / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 296–297.
2. Никитин, М.В. О семантике метафоры / М.В. Никитин // Вопросы языкознания. – 1979. – №1. – С. 91–102.
3. Hinze, D. Die Bedeutung des Vaters in der frühen Entwicklung des Kindes / D. Hinze // Staatsinstitut für Frühpädagogik (IFP) (Hrsg.): Online-Familienhandbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.familienhandbuch.de/cmain/f_Aktuelles/a_Elternschaft/s_1802.html. – Дата доступа: 12.10.10.
4. Textor, M. R. Kind, Familie, Kindergarten / M.R. Textor // Kindergartenpädagogik-Online-Handbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kindergartenpaedagogik.de/44.html>. – Дата доступа: 28.10.2010.

ФАЛЬКЛАРЫЗМ ПАЭЗІІ Я. КУПАЛЫ ДЛЯ ДЗЯЦЕЙ

А.С. Емяльянаў

Віцебск, ВДУ

На фальклорныя вытокі паэзіі Я. Купалы для дзяцей наеднаразова звярталі ўвагу пісьменнікі і літаратуразнаўцы (С. Гарадзецкі, П. Дымшыц, І. Навуменка, М. Грынчык, М. Яфімава, А. Макарэвіч).

Я. Купала закладваў асновы нацыянальнай паэзіі для маладога пакалення ў дваццатыя гады – у перыяд станаўлення савецкай паэзіі з усімі ўласцівымі гэтаму этапу хваробамі, перыяд пошукаў адказаў на пытанне, якой павінна быць новая савецкая літаратура. І характэрна, што яго творы, у якіх бліскуча сінтэзаваліся невычарпальная вуснапаэтычная фантасмагарычнасць, уяўнасць, вымысел з жывой сучаснасцю, былі дзейным выклікам тым педагогам і сацыёлагам-вугларытатам, якія імкнуліся пазбавіць дзіцячую літаратуру гэтых важнейшых адметнасцей, апрабаваных шматвяковым педагагічна-эстэтычным вопытам народа. Ужо ў першым творы, спецыяльна напісаным для маленькага чытача, – вершы “Песня і казка” (1921) – Купала адкрыта заявіў аб неабходнасці арганічнага знітавання ў дзіцячай літаратуры казачнага, феерычнага з будзённым, рэалістычным, звярнуўшы асаблівую ўвагу на спрадвечную велізарную ролю мастацтва ў выхаванні чалавека, у адкрыцці свету новых даляў і шляхоў “к сонцу і зорам”.

Вершы Купалы (“Бай”, “Вяртаюца з выраю жоравы, гусі...”, “Сын і маці”, “А зязюлька кукавала...”, “Мароз”, “Кароль”), апублікаваныя ў першым беларускім часопісе для дашкольнікаў і малодшых школьнікаў “Зоркі” (1921-1922 гг.), у многім прадвызначылі шляхі развіцця паэзіі для маленькага чытача, сутнасць якіх перш за ўсё заключаецца ў тым, што творы для дзяцей павінны арганічна ўбіраць у сябе лепшыя дасягненні фальклору – гэтай надзвычай урадлівай глебы для мастацкай літаратуры. Увесь вопыт далейшага станаўлення і росту паслякастрычніцкай паэзіі для дзяцей выразна засведчыў, што яе найвялікшыя поспехі – асабліва поспехі “малых жанраў” – заўсёды ў першую чаргу адчувальныя там, дзе паэты ў пошуках новых форм верша пастаянна свядома арыентаваліся і арые-